

Младший из Созыва

Бушующее Небо воззвало о помощи от имени Олимпии, требуя ресурсов, которые могли предоставить только учреждения великих тайн. Я задавался вопросом, когда пираты ещё были самой большой угрозой в моём воображении, какой груз может стоить внимания Мятежного Тирана. Потом, когда из водоворотных потоков вырвались женские крики и чудовищная плоть, я задумался, какой груз вообще может стоить такого риска.

Женщина, наступавшая на пятки моему брату, наклонилась назад и бросила свой дротик, вокруг неё поднялась Философская пневма. Копьё ударило дракайну в один из блестящих чёрных глаз и пробило его насквозь. Из раны брызнул тонкий водянистый ихор.

Монстр перекатился, зарываясь верхней половиной узкого черепа в песок, - и в том же движении выпуская все унции воздуха, которые оно украло, пока пересекало пляж.

Женщина схватила Гиро за пояс и утянула его за себя, упираясь ногами в песок и поднимая красный солнечный щит.

Монстр закричал.

— Я ХОЧУ ЖИТЬ!

Грубая звуковая атака ударила в щит женщины и отразилась от его поверхности. Она отскочила обратно в крикуна, и, хотя змея не имела никаких органов слуха, которые я мог видеть, она вздрогнула и отступила.

Гиро ухватился за эту возможность, а я призвал силу убеждения, чтобы преодолеть расстояние между нами. Я погрузился в идеал - принцип, который я усвоил, будучи философом, и которому я верно следовал с тех пор.

Лорд может вести людей, что могут следовать, - но братья стоят бок о бок.

Я упёрся задней ногой и оттолкнулся, одним прыжком преодолев обломки и женщину с её щитом, и приземлился рядом с моим братом. Я рассеял боль дыханием охотничьей птицы, когда сила моего движения сломала мне кость под коленом. Этого было недостаточно, чтобы ошеломить меня, не пока мой принцип бушевал, а Гиро был рядом со мной.

Он ухмыльнулся, пока мы синхронно бежали: «Глаза!»

— Очевидно! — ответил я. Он рассмеялся.

Мы прыгнули одновременно, как раз в тот момент, когда дракайна взвыла от боли и

дезориентации и снова открыла глаза. С криком Гиро высвободил свою Софическую силу, вогнав клинок по самую рукоять в глаз монстра. Я полностью пролетел мимо её покато́й головы, щёлкнув при этом канатом и обмотав его вокруг дротика, застрявшего в её другом глазу.

[Заря занимает свой трон]

Горящий свет моей тайной веры устремился вниз по верёвке и в мгновение ока воспламенил копьё, вскипятив сочащийся из раны расплавленный иخور. Недостаточно горячо. И поэтому, проносясь мимо, я добавил свою правду в смесь.

Пламени нужно топливо - оно голодает, как и живое существо. Пламени нужно место для роста - оно также жаждет, как и живое существо. Некоторые виды пламени гаснут в воде, но другие горят даже над волнами. Чтобы убить Греческое пламя, его нужно обуздать. Уморить его голодом, как и любую другую прожорливую душу. Но вырастить его гораздо проще - просто накорми и отпусти его на свободу, за пределы твоей сковывающей воли.

Позволь ему дышать.

Если единственной силой Философа было его понимание естественных законов, то этого будет достаточно. Я призвал истину обращения с пламенем, которую я узнал от наставников и практиковал своими собственными руками, и через неё я приказал огню, горящему в глазу монстра, приумножиться. Вспыхнул свет, и низкий звук пожирающего жара подавил крики монстра, за долю секунды превратив её пробитый глаз в пепел.

Я тяжело приземлился на песок дальше по пляжу, канат натянулся в моей руке, и я вырвал дротик женщины. Вторая обжигающая вспышка света возвестила о собственном призыве Гиро. Я наблюдал, как он отталкивается от головы, возвращаясь обратно к выпотрошенному кораблю, делая сальто назад, и ловко приземляется рядом с женщиной.

— Величина, — сказал Аристотель, песок сыпался с его головы и плеч, когда он необъяснимым образом поднялся из пляжа рядом со мной. На этот раз я только скрипнул зубами от его внезапного присутствия. — Твоя риторика груба, но, полагаю, твои основы достаточно прочны. Жаль, что это тебе здесь не поможет.

— Ты уверен в этом, старейшина? — я снова взмахнул своим импровизированным кнутом и метнул дротик обратно через пляж. Он пролетел над корчащимися холмиками плоти, змея не смогла среагировать на него визуально и испытывала слишком сильную боль, чтобы беспокоиться, даже если бы могла. Гиро поймал его в воздухе и вернул женщине, которая его бросила. Она улыбнулась и сказала что-то, чего я не смог разобрать из-за грохота пляжных дюн.

— Может быть, вы и правы, — продолжил я, махнув рукой Фотиосу и команде, когда они бежали к нам. — Может быть, философ способен влиять лишь на простейшие механики этого мира, и, возможно, всё, что я сделал, - это лишь изменил величину пламени. Но если этого

достаточно, чтобы ослепить монстра, неужели убить его – это такой уж "невозможный прыжок"?

Аристотель вздохнул, вычёсывая песок из своей клочковатой белой бороды и стряхивая его с накинутых на плечи лохмотьев. Следующие слова он произнёс без прежнего пыла – только с давно истощённым терпением учителя.

— Посмотри, и, может быть, ты увидишь.

Я закатил глаза, но подчинился и посмотрел на слепую дракайну.

Жидкие чёрные глаза уставились на меня в ответ.

— Невозможно, — прошипел я, когда монстр бросился на меня.

Фотиос врезался в мой бок, мощный удар, что заставил нас обоих перелететь через прибрежные камни и упасть в бушующие потоки. Я почувствовал, как водоворот заметил нас, как он схватил нас жадными руками и втянул в себя. Я неистово брыкался, раскачивая правую руку, а левой державшись за плечо Фотиоса. Он сделал то же самое, и, несмотря на все наши усилия, нам удалось лишь остаться вместе.

Но не спастись. Мы тонули и продолжали тонуть, нас швыряло и мотало по спиральным течениям. Я думал что остров – это центральная точка, источник этой грандиозной океанской впадины, но я ошибался. Истинный источник утащил нас ниже острова, в самые дальние глубины, и всех правд и убеждений, которые мы с братом использовали, было недостаточно, чтобы спастись от него.

Когда мои лёгкие полностью истощились, и тьма появилась на краях моего сознания, я одну за другой опустошил мои пневматические камеры обратно в лёгкие, что позволило мне продолжить бороться в течение драгоценных мгновений. На такой глубине не было ничего, что могли бы увидеть глаза человека. Головокружение от водоворота и леденящий холод, тянущийся к нам со дна моря, было всем, что можно было почувствовать.

Я выпустил жизненный воздух из моей третьей пневматической камеры, в паническом бреду представляя, что вижу, как он вытекает из моих губ, как драгоценные пузырьки стремительно поднимаются вверх, становясь недостижимыми. Я начал опустошать мою четвертую и последнюю камеру, понимая, что она даст мне лишь ещё минуту борьбы с приливом. Две, если повезёт.

А потом всё это перестало иметь значение. Рука Фотиоса обмякла на моём плече, и потоки отбросили её в сторону – а вместе с ней едва не забрали и моего близнеца. Я зарычал, тратя драгоценный воздух, и, отказавшись от борьбы с течениями, обхватил грудь моего брата обеими руками, прижав его к себе.

— Идиот-близнец, — сказал я единственным голосом, который можно было услышать здесь внизу, моё сердце колотилось у меня в груди. — Ты сказал мне, что у тебя тоже четыре камеры.

— Да. — Даже голос его души был слабым, далёким. — Я опустошил первую, спасая тебя.

— Это то, как ты это называешь? Спасение? — паника, раздражение и необходимость держать его в сознании вырывали из меня слова. Мы слепо кружились, падая всё глубже в пасть водоворота.

— Я не...

— "Не" что? Не могу ничего сделать правильно? Не могу не быть занозой в твоей заднице?

— Я не чувствую мою душу, Став.

Говорят, что каждый человек противостоит Судьбам в одиночку. И хотя мы культивируем добродетель вместе с нашими сверстниками в гимназиях, и хотя мы оспариваем риторику наших товарищей Софистов на агоре, и хотя мы вместе противостоим прихотям Тиранов и бушующих небес, когда-нибудь наступает момент, когда каждый человек оказывается перед выбором. Наш отец сказал нам, когда мы были мальчишками, что нам нужно искать первую добродетель. Наш дядя, на похоронах нашего отца, сказал, что первой добродетелью являешься ты сам - и это было "почему" он позволил своему брату умереть.

Это в природе культиватора - стоять в одиночестве. Кто среди неба и земли может судить его за то, что он поставил свою сохранность превыше всех остальных, когда на кону стояли божественность и бесконечная слава?

— Мы можем, — сказал Дэймон, пока мы хоронили нашего отца. С тихим гневом, который никогда не утихнет. — И мы будем.

Я открыл рот моего брата и выдохнул в него половину того, что осталось от моей души.

Фотиос вздрогнул, отшатнулся назад и схватил в кулак моё культовое одеяние.

— Ублюдок! — гремела его риторика. — Кто сказал, что ты можешь умереть первым?

— Кто сказал, что ты можешь умереть один? — ответил я, не менее разъярённый.

— Кто сказал, что вы можете выбрать свою смерть? — спросил ритмичный женский голос, отчётливо звучащий под волнами, несмотря на то, что он не был произнесён через пневму. Вслед за ним появился свет, тусклое серебристое сияние, невероятным образом

поднимающееся снизу.

Женщина потянулась к нам. Её руки были настолько бледными, что почти что прозрачными, а тонкие пальцы оканчивались острыми когтями. Её глаза были чёрными и влажными, губы слегка приоткрыты. Серебристо-белые волосы поднимались вокруг её головы, как туман на зимних водах, – и она была полностью обнажённой, стройная и прекрасная: от изгибов бёдер до скромных линий мышц на животе.

Под ней, отражая свет, не имеющий источника под водой, тысячи и тысячи серебряных чешуек плавно спускались от её талии в самые глубины Ионии.

Полузмея-полуженщина тянулась вверх, пока нас тянуло вниз, и я подготовил свой последний вдох перед концом. Фотиос сделал то же самое рядом со мной.

И вдруг там, в далёкой глубине, за пределами даже спирального хвоста дракайны, расцвела искра розового света.

— Кто сказал, что вы вообще должны умереть? — со дна моря раздался голос души Дэймона, и эта искра света в мгновение ока метнулась к нам, прочертив болезненную линию по щеке змеиной женщины и врезавшись в моё плечо.

Удар выбил из меня последние остатки дыхания, а боль разрушила все мои чувства. Казалось, весь мир закружился вокруг меня, и единственной опорой была железная хватка моего близнеца на моей руке, пока стрела продолжала свой путь. Темнота подступала, стрела вскипятила воду вокруг нас и прижгла плоть в моём плече. Я потерял контроль над своими чувствами...

И нас выбило из воды, поднимая над центральным островом, пока свет не погас в стреле Дэймона и она не потеряла свой стремительный импульс. И мы вдвоём начали падать, не имея воздуха, чтобы укрепить себя.

Тон подхватил меня на руки, хмыкая и отступая на шаг, а Димас сделал то же самое для моего близнеца.

— Ставрос! — воскликнул Тон, его уродливое лицо исказилось в панике. — Ты в порядке?!

Я судорожно вдохнул, вдыхая сладкий воздух свободы, выгибаясь дугой и врезаясь лбом в его нос. Он упал обратно на песок, истекая кровью.

— Извинения, — только и смог сказать я, подаваясь вперёд и хватая его за руку. — Я не хотел...

— 'сё в порядке, — сказал он, слова прозвучали невнятно из-за ещё одного разбитого носа. Он некрасиво улыбнулся, кровь стекала по его губам и в бороду. — Меня били и сильнее.

Я выдавил смешок, и мы подняли друг друга на ноги.

— Что мы пропустили? — спросил Фотиос, вставая с помощью Димаса. Вольноотпущенник лишь молча указал, с мрачной гримасой на лице. — Ах.

Дракайна со змеиным телом и женским голосом врезалась в берег, её закрытая пасть, словно копьё, пронзила сам остров. Гиро и женщина с выпотрошенного корабля отпрыгнули от неё в последнюю секунду, наш брат ударил её своим мечом по линии разбитой чешуи в процессе.

Своим сломанным мечом.

Вольноотпущенник Гиро, культиватор первого ранга Гражданского царства, который больше всех не хотел участвовать в нашей затее, с диким остервенением размахивал своим позаимствованным клинком по тускло светящейся чешуе монстра. С каждым ударом взлетали искры, когда от лезвия отлетали кусочки железа. Человек уклонялся и бросался в атаку, словно одержимый, с каждым разом лишь едва избегая извивающейся плоти. Его пневма при этом, дико вспыхивала.

Даже я не мог отрицать, что это впечатляющее зрелище. Это был тот тип храбрости, которую каждый культиватор добродетели утверждал, что хранил в себе и лишь ждал подходящего момента, чтобы дать ей вырваться наружу. Но если большинство играло в храбрецов до тех пор, пока не наступало их время быть храбрыми, то человек Гиро играл в труса до самого конца. Пока нам не понадобилось, чтобы он стал больше этого.

Это было вдохновляюще. И это было совершенно бесполезно.

— Старейшина, — мрачно сказал я, и Аристотель поднял бровь со своего места рядом со мной.
— Куда делись его раны?

— Я уже сказал тебе, мальчишка, — сказал он, смирившись. — Смертные средства не могут убить то, что божество прокляло жить вечно. Ты можешь стрелять в него огненными стрелами, колоть его тысячу раз и сжигать его глаза до пепла. Но ничего из этого не продержится долго. Эти существа не подчиняются законам природы. Они вообще ничему не подчиняются.

— Но его уже ранили раньше, — возразил Фотиос. — Кто-то пришёл до нас и избил его, сломал его чешую и сделал уязвимым. Почему тогда эти раны не зажили, если такова природа монстра?

Старый философ нахмурился и ничего не сказал.

На другом конце пляжа женщина что-то крикнула, и Гиро опустился в глубоком приседании, бросив сломанный меч и соединив руки вместе. Она в два прыжка преодолела расстояние между ними и вскочила на его соединённые руки. Пневма нашего брата поднялась вместе с

напряжением его мышц, и он с криком подкинул её в небо.

Под ней вздыбился курган песка шириной с корабль, а затем он взорвался, и морская змея с воплем устремила к звёздам.

— Я ХОЧУ ВИДЕТЬ!..

Женщина из Олимпии поймала этот вопль на свой щит и со звуком, похожим на удар молотка по металлическому барабану, снова отразила его обратно в монстра. Чудовищная змея рухнула на песок, оставив кратер на пляже.

Я сделал шаг вперёд, даже не осознавая этого. Почувствовал, как расширились мои глаза: «Ты сказал, что у нас нет подходящих душ, — выдохнул я. — Возможно, это всё ещё правда. Но ты также сказал, что у нас нет необходимых инструментов».

Гиро поймал женщину, когда она падала, отходя на расстояние от дракайны, пока та корчилась в ужасной агонии. Человек Гиро прыгнул вперёд и ударил между внешними чешуйкам, разбив одолженный меч на куски о плоть под ними. Пока что, всё наше оружие оказалось бесполезно для борьбы с этим существом в долгосрочной перспективе. Опираясь на нашу культивацию, мы могли ошеломить его и нанести ему временные раны своим оружием. Но монстр всё равно пережил бы их. Дротик этой женщины ничем не отличался от других — половина его торчала из песчаной дюны рядом с выпотрошенным кораблём, сломанный и брошенный.

А вот её щит отличался.

— Что ты имел в виду, говоря о необходимых инструментах? — спросил я мудреца. Я знал, что он смотрит на то же самое, что и я.

— ... в золотой век героев, если такой век вообще существовал, — наконец заговорил он, — говорят, что легендарные личности выступали против монстров, преследующих человечество, с оружием и доспехами, выкованными в божественном пламени. Несокрушимые и неслабеющие.

— Адамант, — произнёс он со скептическим благоговением, когда алмазные грани алого щита сверкнули в лунном свете.

Я бросился бежать. Тон последовал за мной так быстро, как только мог.

— Став! — крикнул Фотиос. — Дэймон всё ещё там! — раздражение и тревога за брата заставили моё сердце сжаться в груди. Но тут мало что можно было сделать. Четверо из нас уже давно пообещали, что мы никогда не позволим другим остаться в одиночестве.

— Он в твоих руках, Фос! — крикнул я, бежа к Гиро.

Я не обернулся, чтобы посмотреть, когда море, из которого мы были выброшены, извергнулось. Я не колебался, когда вода из гейзера обрушилась мне на голову, настолько он был велик. Я предоставил это Фотиосу, доверив ему довести дело до конца.

— Отлично! — пневма Фотиоса поднялась, крылья его влияния бились в яростном вызове. — Подойди и поцелуй меня, уродливая змеиная сука!

— Вы, алые сыны, все одинаковы, — в раздражении сказал Аристотель, необъяснимо поспевая за мной неторопливыми шагами.

Я усмехнулся.

— Это ты решил пойти с нами, — напомнил я старику. Он покачал головой, ухмыляясь.

— Да, полагаю, это так.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3753493>